

INTERRELATIONS BETWEEN PEOPLE AND SPACE-THING ENVIRONMENT – EROTISM AND BUTTLE – IN PETRONIUS ARBITER'S "SATYRICON"

Summary: This article is the investigation of interrelations between people and things in Petronius's "Satyricon". There is erotic component, "libido", not only for people, but in interaction between people and things – furniture, utensil and other.

Petronius interests only mobile things and drama, events with their participation. Many things in Petronius's text are dedicated to manipulations. People and things exist in cramped living space, when it happened traumas and breakages. Many details are elements characterizing biography and psychology of persons.

Numerous pages of the novel are devoted important themes of Ancient Rom culture: a body and its surface, truth and lie, appearance and essence. The thoughts by Russian thinker Vyacheslav Ivanov about mask and "drama of transfigurations" are truthful not for only Hellas, but for Ancient Rom and Petronius's text too.

H. Wels in his "A Short History of the World" writes captures about Ancient Rom where gives a lot of Petronius and his "Satyricon". It is very demonstrative for manifestation of Rom's atmosphere, life and characters of people. Wels characterizes this book as "the beautiful example" of "Nero's epoch" [Wels, 2008: 364]: "It was, more like, the epoch of grandness, then the epoch of creativity, the epoch of architecture and commerce..." [Wels, 2008: 362]. It was the epoch not only of architecture, but of interior, decorative art too. The writer talks about gastronomy and art of entertainment, "culture of prosperity" in the same context [Wels, 2008: 363]. These aspects are important parts of imaginary of Petronius's book. Things, objects much talk about persons, their interrelations, feels, ways of going and doing.

The main subject of "Satyricon" usually is comprehended as erotic, sexual and satiric describing

The novel is the authentic source about "space-things environment" in Ancient Rom of Nero's epoch. It is full of postmodernist anticipations with eroticism and irony.

Body of person feels different sensations. This material Eros is not accompaniment, but it is the major, important part of this text and its structure.

So, Rom literature is more earthbound. Mythological frame is manifested less clearly, then in Hellas, but Dionysian is its important component, and Petronius is the shining example. This unique situation in Ancient epoch shall not be repeated later.

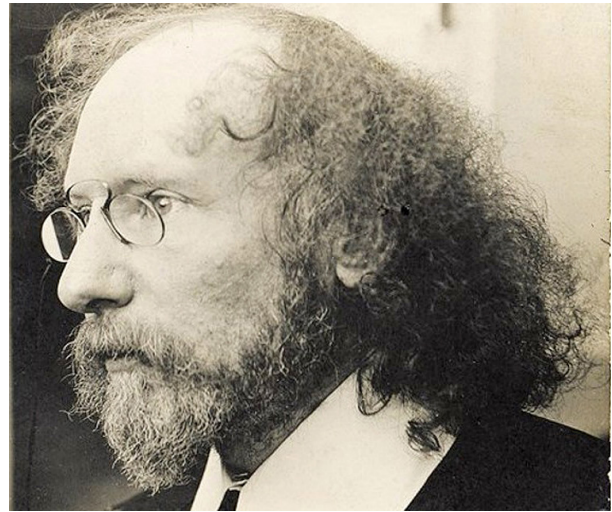
Keywords: space-thing environment of Ancient Rom, Petronius Arbitr's "Satyricon", interrelations between people and things in imaginary of Ancient fiction, things as elements for characteristics of persons in fiction, Dionysian an Ancient Rom culture, Vyacheslav Ivanov (1866-1949).

of moral in this period. But there is yet one erotic and dramatic component, which is not mentioned by researchers and other readers: it is love-hate-play between people and objects-things – pieces of furniture, plates and dishes, food and many other. Interrelations between these two erotisms are manifested in L. B. Alberti's text. He writes about buildings of Nero's epoch and uses concepts "aedificandi insania" ("architectural rage"), "furor" ("passion") and "libido" [Zubov, 1983: 10]. Lust term is very exact, especially in modern connotations of Freudism.

It is quite predicable, that the person of this novel, stinking enriched libertine Trimalchio says: it is wrong attitude to life as no good, loser thing. [Petroniy Arbitr, 1991:103, cap. CII]. Trimalchio remembers, how he paralleled his height and height of a standing lamp. Petronius often uses devises, when he characterizes his persons by way of ob-

Olga Freidenberg

Vyacheslav Ivanov

jects, works of craft and decorative art – design and pre-design.

The famous Russian Soviet researcher of furniture N.N. Sobolev writes about Ancient Roman furniture: "All furniture of Ancient Rome may be divide in two large groups: a) wood furniture, decorated carving, gilding, incrustation from wood of other colors, enamels, little bits of faience, gild, silver, and b) decorative furniture, which was immobile, made from marble..." [Sobolev, 2008: 40].

Petronius writes only about different mobile objects, because people may do something with them. Immobile objects are not included in his sphere of interest.

Furniture and other objects are embodiment of power, in which corporality and fleshliness too are manifested. They are not only parts of mise-en-scene or set and props. Things "do" own mise-en-scenes and turn into injury tools themselves or when persons use them.

Contacts between people and things often are ended destruction, injury or both variants synchronically. Everybody object is possibility of different variants of "scenario modeling".

When Sobolev describes Ancient Roman furniture, he uses concepts "surfeit, superfluity, luxury". We see the same qualities in space, when s-cenes of the novel are happened. This space is oversupplied, stodgry, very cramped. A person does one careless movement, and it is beginning of many breakages and fallings with varying aftereffects. When two persons decide to pilfer a bottle with wine, they begin a scuffle and "... had break up this buttle. The table with silver services had been keeled over; a downfallen goblet gave a dab in a head of a slave-girl, which laid on a bedding. She shrieked very loudly..." [Petroniy: 43, cap. XXII].

Cramped living space is not a quality of rich houses only. The little house of Enoteya, the beggar old women is the same character in this point. She is a sorceress too. But her contact with things is successful not often. They disobey her, and other persons too. The crone patches up a brashy wood cup and uses warmed over rosin [Petroniy: 141, cap. CXXXV]. Congestion and abundance of things are cause of different events and operations: "... the old woman takes a little beat of meat and begins to suspend the sack, used the same wye, on the hanger back. But in this time a doty chair, on which she staid, suddenly yad been get broken, and she... fallen on a fire-place. A cap of a pot crashed, and the fire is out... Tenoteya... runs to neighbors to take fire. ...three sacred goose anon attack me. The first begun to tear my tunic, the second unsashed the thong of my sandal..., and third ... had a stranglehold in my culf muscle. ... I unscrewed a table-leg and...avenged myself by the death of the goose" [Petroniy, 1991: 142, cap. CXXXVI]. It is interesting, that a tool for murder of the goose, devoted Priapus, is like Priapus's attribute. Petronius manifests there his sophisticated irony with erotic spice.

Things often are used re-purposed. For example, a table-leg, a thong from a bag, a hairpin, a candleholder is tools of arrack or self-defense. Sometimes objects "fall on" people themselves and results are usually infraction. A stairs of an acrobat falls on Trimalchio's head [Petroniy,1991: 62, cap. LIV]. There are other examples when things manifest insubmission.

Many things in Petronius's text are dedicated to manipulations: a beachy hand-mill for pepper, shaving things, toothpicks, things for bath, kitchen and even oiled cobweb for healing of wounds. There are many

taints of manipulations on some things: shou laces are curved from multicolored threads, little stones for magic are wrapped in purple textile, a basket from bowed roots, a bed, which is staid vertical.

Congestion and superfluity are quality on all interiors, but especially in houses and way of life of rich people. We see this in the Trimalchio's bowl. All details of his house are elements characterizing his biography and psychology (capt. XXVIII – LXXVIII). We see results of past manipulations or possibilities of operations in future on every things: "Lictor's fasces, nailed at the door" [Petroniy, 1991: 47, cap. XXX]; a little wood table for crap shoot; a basket with a wood hen and paste eggs with dainty mincemeat underlie" [Petroniy, 1991: 49, cap. XXXIII]; a hare, studded plume, "like Pegasus" [Petroniy, 1991: 51, cap. XXXVI].

Petronius's text, as other fiction works of Ancient Rom, is suffused vitriol [Strelnikova I., 1991: 22]. Perhaps, Trimalchio (literally "triplely disastrous") is the covert caricature on Nero, which was Petronius's patron. (As you know, the end of Petronius's life was tragical: he put the end of own life on Nero's order.) Wels's describing of Nero is relevant for Trimalchio: they "... found oneself in a state of living gods... We had not wide erudition and did not know taboo of rules and canons (practice). Personalities of their surrounding were ready to wait on someone hand and foot of their sovereign" [Wels, 2008: 359]. Only things can "disobey" of owners and manipulators.

As known, Nero liked different technical advances. There was, for example, an extendible ceiling in the banquet hall of his Gold Palace. The same element is in the scene of the "Satyricon": "The ceiling had opened wide, and enormous hoop, perhaps, stripped from a hogshead, around which gold wreathes and jars with chrisms hanged, began to go down slow from the ceiling aperture... On the table a charger with fancy cake came to be; in the middle Priapus, made from bakery dough, staid; he kept, as usually, a calathus (basket) with apples, grapes and other fruits" [Petroniy, 1991: 69, capt. LX]. Every element of this installation is a result of different manipulations, actions. And this is a little segment of a long enchainment.

The important part of imaginary in this novel is interrelations between people and things. They are not subject and object. Things have like own willpower. We see close physical contact, in which every element is not only an object for manipulations, but also a subject, an individuum with own style of behavior. The character of their interrelations and in-

tercommunion is erotic in several aspects, including various of fortune and unfortune.

Sexual events in the novel are various. Things are very different too. Petronius often uses a device of distant contrast, confrontation of richness and poverty. For example: gilded shoes and unpaired wood sandals; a silver skeleton with a complicated mechanism and a straw doll; carpets with picture of hunting and a wicker footcloth; earth floor and a floor, sanded powdered mica and sawdust, which are colored precious dyes. But a table with screwed off leg is a part of rich and poor furniture.

Imaginary of luxury and destitution is created in using different mediums for doing things. They very contrast: for example, silver and a broken wood cap. A wide range of ceramics inclusive in this high-value amphoras and artless things from natural clay. Petronius says about gilded ceramics goblets [Petroniy. 1991: 80, capt. LXXII]. These goblets illustrate the important themes of Ancient Rom culture: a body and its surface, truth and lie, appearance and essence.

Petronius uses the same device in Trimalchio's banquet. When two slave brawl and broke their amphoras, this acting is only staging. They take dainty food out of these pottery fragments [Petroniy: 77. 60, capt. LXX, XLVIII].

Trimalchio admires skillful of his cook. He does a dove from lard, a turtle dove from gammon, a chick from leg of a pig [Petroniy: 77, capt. LXX]. There is the important plot of ancient culture in general, in Hellas and Rom especially. It is a problem of natural and artificial. The Russian poet, thinker and expert of ancient culture Vyacheslav Ivanov (1866-1949) writes about "love to artificial from Socrates's predilection town walk then country walk to Trimalchio's banquet and «The Gold Jackass»" [Ivanov, 1994: 147]. II. 1.

Various tools are used as instrumentation for lie. They are false hairs and weaved brows, a dull razor for exercise of apprentice of barber [Petroniy: 96 and other, capt. XCIV]. Such razor is used as a tool for imitation of mutilation and suicide. The subject of dissimulation is like the subject of concealment. Such surface is mask. This element is present in all ancient culture, the quality, which was comprehended by Ivanov too. He was the Russian Nietzschean, but with traditional Russian roots, and his worldview was original. Ivanov writes, that Dionysiac world view, Dionysian ("dionosiystvo" in Russian) gives Hellas world view its own character. This important element is mask: "Dionysus teaches living

to close masks and to lose own face. Then the world was comprehended sub specie metamorphoseos, as drama of transfigurations" [Ivanov, 1994: 77]. It is truth for Ancient Rom too.

Masks became attributes of living and died, and they, with lie and magic, are closed intertwined. These subjects are correlated in Trimalchio's banquet. His guests tell about death and the last offices. The culmination of this episode is the last will and the staging of the owner's exequies. Trimalchio describes his monument with much details.

There are analogies of this plot in contemporary Russian art: an episode with Barynya (an old lady) in the Yu. Grymov's movie "Mumu" with I. Turgenev's fabula motifs (1998), I. Kabakov's texts, D. Prigov's "The Fly with Wings".

Rich, motley world of things, which interact with people, is the important part of corporal, tactile world of life and culture of Nero's epoch. In this world things are not only objects: they have own will and character, "psychology". Things work and give up job, their function: goblets and trays fall, amphoras fall too and broke, a cane fragment after first beat, a door handle and a door lock fall on two segments. Things are participle in action, and these events change movement, and persons think about this, about life and being [see Petroniy, 1991: 120, capt.CXV].

Petronius's novel is the authentic source about "space-things environment" and mode of life for different strata of society in Ancient Rom of Nero's epoch. This environment is oversupplied of things and events. There are only wood things, which Petronius names: a sheep, a boat, Isis's sculpture, tables, beds, a wood hen, a board with appointment of moon's phases, a ladder of acrobats, gates, a pepper mill, an armchair, a doty chair, doors, a wood candle, sandals, a broiling rack, a wye for kitchen and other.

Petronius often does not demarcate irony and earnest. Apuleius does the same. They can contaminate these qualities, and it is, to a certain degree, anticipation of postmodernism. Petronius does not talk about moral problem. They are beyond his sphere of interests. But often things are tools of discomfort for persons. Sometimes we can understand such situations as penalty. Petronius describes them objectively and "cool".

Comprehension of space is a part of comprehension of being. Petronius's persons live, love, fight, contact with things as parts of outside world. These contacts inclusive erotic components in process. They are like embraces and kisses, often traumatizing. A body of a person feels different sensations. This material Eros is not accompaniment, but it is the major, important part of this text and its structure.

We can describe this situation with using a sentence by O. Freidenberg, the famous Soviet theorist of literature, the cousin of B. Pasternack: "Word, action and thing are three morphological variations, which manifest holy semantics of especial cosmogony" [Freidenberg, 1997: 222]. II.2.

She writes about Hellas literature. So, Rom literature is more earthbound. Mythological frame is manifested less clearly. Nonetheless the Apollonian and the Dionysian are important components of Ancient Rom culture. It is truthful for Petronius too. Drama and eroticism of interrelations between people and things are the part of Dionysian naturel power in Rom art and life. Petronius's cosmogony is concentrated around man, he does not excessive use philosophical mediations and, perhaps, feels shy them. He describes the world, where powers of life interfuse all: people and things. The ancient epoch was unique in this aspect, and such perception will be impossible in European culture of later epochs.

REFERENCES

1. Freidenberg, O.M. 1997. Poetika syuzheta i zhanra [Poetics of Plot and Genre], Moscow, p. 445 (in Russian)
2. Ivanov, V.I. 1994. "O veselom remesle i umnom vesel'ye" ["About Merry Craft and Intelligent Merriment"], Vyacheslav Ivanov. Rodnoye i vselenskoye [Vyacheslav Ivanov. Native and Universal], Moscow, pp. 60-72. (in Russian)
3. Ivanov, V.I. 1994. "Dve stikhii v sovremennom simbolizme" ["Two Powers in Modern Symbolism"], Vyacheslav Ivanov. Rodnoye i vselenskoye [Vyacheslav Ivanov. Native and Universal], pp. 143-169. (in Russian)
4. Petroniy Arbitr, 1991. Satyricon. Petroniy Arbitr. Apulei. Moscow, pp. 25-152. (in Russian)
5. Sobolev, N.N. 2008. Stili v mebeli [Styles in Furniture], Moscow p. 350 (in Russian)
6. Strelnikova, I. 1991. "Petronius and Apuleius", Petroniy Arbitr. Apulei. Moscow, pp. 5-22. (in Russian)
7. Wels, H.J. 2008. The General History of World Civilization. Moscow. p. 928 (in Russian)
8. Zubov, V.P. 1983. "Al'berti i kul'turnoye naslediyе proshlogo" ["Alberti and Cultural Heritage of Past"], Mastera klassicheskogo iskusstva Zapada [Maestros of Classic Art of West]. Moscow, pp. 5-25. (in Russian)

Людмила Борисовна Фрейверт
Кандидат философских наук,
Президент Тульской региональной общественной организации
«Наша традиция»
e-mail: lbf1956@yandex.ru
Тула, Россия

ORCID 0000-0001-5967-3566

DOI: 10.36340/2071-6818-2020-16-4-92-100

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЛЮДЬМИ И ПРЕДМЕТНО-ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СРЕДОЙ – ЭРОТИЗМ И ПРОТИБОБОРСТВО – В «САТИРИКОНЕ» ПЕТРОНИЯ АРБИТРА

Аннотация: В данной статье исследуются взаимоотношения между людьми и вещами в романе Петрония Арбитра «Сатирикон». В их взаимодействии есть эротический элемент: это относится к мебели, утвари и другим компонентам рукотворной среды. Уже Л.Б. Альберти применял к древнеримской архитектуре понятие «libido».

Показательность текста Петрония для характеристики эпохи Нерона подчёркивал ещё Г. Уэллс, выявивший много знаковых деталей.

Петрония интересуют только подвижные предметы и драматические события с их участием. Часто вещи подвергаются манипуляциям. Люди и вещи сосуществуют в затеснённом жизненном пространстве, где нередки травмы и поломки. Многие детали являются элементами характеристики персонажей, их биографии и психологии. Вещи – не пассивные объекты в образной системе: они тоже обладают как бы собственной волей и характером.

Ряд страниц романа посвящён темам, важным для древнеримской культуры: тело и его поверхность, правда и ложь, видимость и сущность, жизнь и смерть. Все они так или иначе воплощены в образах вещей и в их взаимоотношениях с людьми, а их контакт всегда эротичен. Тело персонажа испытывает различные ощущения, и этот материальный Эрос – не только аккомпанемент, но и крупная, важная составляющая текста и его структуры.

Г. Уэллс в своей «Всеобщей истории мировой цивилизации», в главе, посвящённой Древнему Риму, уделяет несколько строк Петронию и его «Сатирикону». Это произведение – очень показательное воплощение атмосферы Рима, его жизни и людских типов. Уэллс характеризует книгу как «прекрасный пример эпохи Нерона»: «Это

Идеи русского мыслителя Вячеслава Иванова о маске и о «драме превращений» применимы не только к культуре Эллады, но и к Древнему Риму, и тексту Петрония в том числе.

Роман – ценный источник для изучения предметно-пространственной среды Древнего Рима эпохи Нерона. Здесь много предвосхищений постмодернизма с его эротизмом, иронией, отсутствием морализаторства.

Также актуальны для романа Петрония и рассуждения О.М. Фрейденберг о «слове, действии и вещи» в античной литературе и об их «космогонии».

Литература Древнего Рима, по сравнению с древнегреческой, более приземлённая. Мифологические структуры выражены менее явно. Но дионисийское начало также является важной её составляющей, и текст Петрония – яркое тому подтверждение. Ситуация, сложившаяся в античности, уникальна и не может быть воспроизведена позднее.

Ключевые слова: предметно-пространственная среда в Древнем Риме, «Сатирикон» Петрония Арбитра, взаимоотношения между людьми и вещами в образной системе античной литературы, вещи как элементы характеристики персонажей в художественной литературе, дионисийство в культуре Древнего мира, Вячеслав Иванов (1866–1949).

была, скорее, эпоха величия, чем эпоха созидания, эпоха архитектуры и торговли...» [Уэллс, 2008: 364,362]. Писатель пишет о гастрономии и искусстве развлечений, о «культуре достатка» [Уэллс, 2008: 363] в том же контексте. Эти аспекты – важная часть образной системы у Петрония. Вещи, предметы много рассказывают о персонажах, их

взаимоотношениях, чувствах, о способах двигаться и вообще действовать.

Главными темами «Сатирикона» обычно считается эротика (секс) и сатира на нравы общества того времени. Но есть ещё один эротический и драматический компонент, на который читатели и исследователи обычно не обращали внимания: это любовь-ненависть-игра между людьми и вещами – мебелью, посудой, едой и др. Взаимодействие между двумя эротизмами мы можем увидеть даже в текстах Л.Б. Альберти. Говоря о зданиях эпохи Нерона, он применяет понятия «aedificandi insanìa» («строительное безумство»), «furor» («бешеная страсть») и даже «libido» [Зубов, 1983: 10]. Последний термин представляется особенно показательным в силу современных фрейдистских коннотаций.

Знаменательно, что персонаж романа, бывший вольноотпущенник, а ныне богач, Трималхион говорит: нельзя относиться к жизни, как к «нестоящей вещи» [Петроний Арбитр, 1991: 103, гл. СII]. Трималхион вспоминает, как он сравнивал свой рост с высотой светильника. Петроний часто использует приёмы характеристики персонажей через вещи, предметы ремесла и декоративного искусства – т.е. дизайна и протодизайна.

Известный русский советский исследователь Н.Н. Соболев так характеризует древнеримскую мебель: она «...может быть разбита на две большие группы: а) мебель деревянная, украшенная резьбой, позолотой, инкрустацией из дерева других цветов, эмали, кусочков фаянса, золота и серебра и б) мебель декоративная, неподвижная, делавшаяся из белого или цветного мрамора с мозаичными досками на столах» [Соболев, 2008: 40].

Петроний пишет только о разнообразных подвижных вещах, потому что с ними человек может что-то делать. Неподвижные объекты его не интересуют.

Мебель и другие составляющие предметной среды являются воплощением силы, в которой проявляет себя телесность, плоть. Эти вещи – не только часть мизансцены или антуража. Они «исполняют» свои собственные мизансцены. Контакт между людьми и вещами нередко заканчивается разрушением, травмами персонажей или тем и другим одновременно. Каждый объект предоставляет возможность различных вариантов развития событий, т.е. результатов «сценарного моделирования».

В описании древнеримской мебели Соболев применяет такие ключевые слова, как «пресыщенность, излишество, роскошь» [Соболев, 2008: 39]. Такие же качества мы наблюдаем в пространстве, где разворачиваются сцены романа. Это стеснённое, густое пространство очень перенасыщено. Одно неосторожное движение персонажа запускает целую череду разрушений, падений и других последствий. Когда двое слуг воровали флягу с вином, они начали потасовку и разбили её: «Стол с серебром опрокинулся, и упавший с высоты кубок стукнул по голове рабыню, валяющуюся на ложе. Она громко завизжала от боли, так что крик её и воров выдал, и часть пьяных разбудил» [Петроний, 1991: 43, гл. XXIII].

Такая насыщенность пространства свойственна не только домам богачей. Теснота и изобилие объектов царят даже в хижине нищей старухи Энотеи. Хотя она ещё и колдунья, вещи «слушаются» её далеко не всегда, как и других персонажей.

У нас на глазах она чинит разогретой смолой развалившуюся деревянную чашку [Петроний, 1991: 141, гл. CXXXV]. Немного позднее разыгрывается целая цепь действий: «... отделив... немножечко мяса, старуха с помощью той же рогатки принялась подвешивать узел обратно на крюк; но тут гнилой стул, на который она взобралась... вдруг подломился, и она всей своей тяжестью рухнула прямо на очаг. Верхушка стоявшего на нём горшка разбилась, и огонь... потух. При этом Энотея обожгла себе о горячую головню локоть и, подняв кверху целое облако пепла, засыпала им себе всё лицо... [Старуха] немедленно побежала к соседям взять огня. Едва лишь она успела ступить за порог, как на меня тотчас же напали три священных гуся... Один начал рвать мою тунику, другой развязал ремень у моих сандалий и тербил его, а третий... не постеснялся мертвою хваткой вцепиться мне в икру. Отложив шутки в сторону, я вывернул у столика ножку и... отомстил за себя смертью гуся» [Петроний, 1991: 142, гл. CXXXVI].

Интересно, что инструмент убийства гуся, в общем-то, схож с главным атрибутом Приапа. Петроний демонстрирует здесь тонкую иронию и пикантный эротизм.

Часто вещи используются не по прямому назначению. Орудием нападения и защиты служат, например, головная шпилька, ножка стола, ремень, отвязанный от сумки, подсвечник и т.п. Иногда предметы сами «нападают» на человека

и наносят ему травмы, как, например, лестница акробата, упавшая на голову Трималхиона [Петроний, 1991: 64, гл. LIV]. Множество предметов предназначено для действий с ними: например, ручная буковая мельница для перца, бритвенные приборы, зубочистки, утиральники и скребницы для бани, кухонный вертел и рогатка, тростниковая палка, промасленная паутина для лечения ран. Часть вещей хранит на себе следы манипуляций: шнурки, скрученные из разноцветных ниток, камешки для колдовства, завёрнутые в пурпур, корзина из гнутых веток, кровать, почему-то поставленная столбом.

Теснота и избыточность, чрезмерность – свойство не только интерьеров богатых людей, но и предметной среды в целом. В сохранившейся части «Сатирикона» центральное место занимает пир Трималхиона. Каждая деталь его обстановки и мизансцены, разыгрывающиеся между людьми и вещами, характеризуют персонажа (гл. XXVIII–LXXVIII) и намекают о возможном прошлом или будущем действии: «пригвожденные к двери ликторские связки с топорами»; столик терпентинового дерева для игры в кости; корзина с деревянной курицей, под которой лежат яйца из теста с лакомством внутри; заяц, весь утыканный перьями, «как бы в виде Пегаса» [Петроний, 1991: 47,49,51, гл. XXXVI].

Роман Петрония полон самого язвительно-го сарказма [Стрельникова, 1991: 22]. Возможно Трималхион, т.е. «трижды противный», – скрытая карикатура на Нерона, бывшего патроном Петрония. Известно, что конец жизни писателя был трагичным. Уэллс описывает Нерона, как бы согласуясь с образом Трималхиона: «...оказавшись в положении живых богов, ...они ...не имели широты знаний... не знали запретов закона или обычая. Их окружали личности, готовые потакать ... прихотям своего властелина» [Уэллс, 2008: 359].

Широко известно о любви Нерона к техническим изобретениям. Примета этого – раздвижной потолок в пиршественном зале его Золотого дворца. Аналогичная деталь обстановки есть и во дворце Трималхиона: «...мы не успели налюбоваться на... [предыдущую] изящную затею, как вдруг потолок затрещал с таким грохотом, что затряслись стены триклиния... и огромный обруч, должно быть, содранный с большой бочки, по кругу которого висели золотые венки и баночки с мастями, начал медленно опускаться из отверстия. После того, как нас просили принять

этот дар, мы взглянули на стол. Там уже очутилось блюдо с пирожным; среди него находился Приап из теста, держащий, по обычаю, корзину с яблоками, виноградом и другими плодами» [Петроний, 1991, 69, гл. LX]. Процитированный отрывок – только небольшой фрагмент из ряда пиршественных действий-событий, манипуляций, преобразований.

Человек и вещь у Петрония взаимодействуют не как субъект и объект. Похоже, что вещи как бы обладают собственной волей, индивидуальным характером и манерой поведения. Результатом тесного физического, в общем-то, эротического, контакта становятся всякие удачные или несчастливые последствия.

Собственно сексуальные события в романе разнообразны. Не менее разнообразны и контрастны вещи. Петроний использует приём дистантного контрастного сопоставления богатства и бедности: золочёные туфли и непарные деревянные сандалии; серебряный скелет со сложным механизмом и соломенная кукла; ковры с изображением охоты и плетёнки из ивовых прутьев; земляной пол и пол, посыпанный толчёной слюдой и опилками, окрашенными драгоценными красителями. Но стол с вывинчивающейся ножкой упоминается среди обстановки и чрезмерного богатства, и крайней нищеты.

Характеризуя роскошь или крайнюю нищету, Петроний указывает, из какого материала выполнены те или иные вещи. Посуда может быть серебряной или разбитой деревянной. Особенно широко представлена керамика: от драгоценных изысканных амфор до сырой глины. Упоминаются также позолоченные глиняные кубки [Петроний, 1991: 80, гл. LXXII]. В этом концентрируется ряд тем, очень важных для романа Петрония и для римской культуры в целом: это соотношение тела и его поверхности, видимости и сущности.

Петроний применяет такие приёмы в сцене пира Трималхиона. Когда два раба ссорятся и разбивают принесённые ими амфоры, это оказывается инсценировкой. Из обломков они извлекают изысканные яства [Петроний, 1991: 77, 60, гл. LXX, XLVIII].

Трималхион восхищается мастерством своего повара: он способен сделать из свиного сала – голубя, из окорока – горлинку, из бёдер – цыпленка [Петроний, 1991: 77, гл. LXX]. Так манифестируется одна из важнейших тем античной культуры, древнегреческой и особенно римской:

проблема натурального и искусственного. Русский поэт, мыслитель и исследователь античной культуры Вячеслав Иванов (1866–1949) писал о «любви к искусственному от сократовского предпочтения городских прогулок загородным до Трималхионова пира и “Золотого осла”» [Иванов, 1994: 147]. (Ил. 1).

Близка к ней и тема правды и лжи. В романе присутствует множество инструментов для обмана: фальшивые парики и накладные брови, тупая бритва для тренировки подмастерьев цирюльников [Петроний, 1991: 96 и др., гл. XCIV].

Тема обмана близка также темам смерти и колдовства. Ведь обманчивая, скрывающая поверхность и есть маска. Это очень значимый элемент античной культуры, о котором В. Иванов, русский ницшеанец, чьё оригинальное мировоззрение имело глубокие корни в национальной русской культуре, рассуждал о дионисийстве, которое дало культуре Эллады её индивидуальный характер. Важный элемент дионисийства – маска: «Дионис живых научил надевать маски и терять свой облик. Тогда мир был понят *sub specie metamorphoseos* – как драма превращений» [Иванов, 1994: 77]. Это справедливо и для культуры Древнего Рима.

Маска становится атрибутом жизни и смерти, а они тесно переплетаются с темами обмана и колдовства. Все они сосредоточены в эпизоде пира Трималхиона. Его гости рассуждают о смерти и о похоронах. Кульминация эпизода – последняя воля хозяина и инсценировка похорон. Трималхион детально описывает свой памятник.

В русской художественной культуре есть несколько текстов, перекликающихся по образности: мнимые похороны Барыни в фильме Ю. Грымова «Муму» по мотивам повести И.С. Тургенева (1998), тексты И. Кабакова, «Муха с крыльями» Д. Пригова.

Богатый, разнообразный и пёстрый мир вещей, взаимодействующих с людьми, – важная часть телесной, тактильной составляющей в жизни и культуре эпохи Нерона. В этом мире вещи – не только объекты. У них есть своя воля, характер, «психология». Они работают и препятствуют работе: кубки и подносы падают, амфоры также падают и разбиваются, палка разваливается после первого удара, дверная ручка и дверной замок падают, разделившись на два сегмента. Вещи участвуют в действии, и эти события меняют ход фабулы, а персонажи размышляют об

этом, а также о жизни и бытии в целом [см. Петроний, 1991: 120, гл. CXV].

Роман Петрония – ценный источник для изучения предметно-пространственной среды и образа жизни разных социальных слоёв в Древнем Риме эпохи Нерона. Эта среда перенасыщена вещами и событиями. Вот только деревянные предметы, упомянутые в романе: корабль, лодка, истукан Изиды, столы, кровати, деревянная курица, дощечка с записью фаз Луны, лестница акробата, ворота, мельница для перца, кресло, гнилой стул, двери, деревянный подсвечник, сандалии, вертел и другая кухонная утварь и др.

Выводы. Петроний, как и Апулей, часто не проводит грани между иронией и серьёзностью. Их контаминация, в определённой степени, есть предвосхищение постмодернизма.

Мораль находится вне сферы его интересов Петрония, но часто вещи причиняют дискомфорт персонажам. Иногда мы можем понимать такие ситуации как наказание. Но Петроний описывает это объективно и подчёркнуто холодно.

Понимание пространства предстаёт здесь как часть понимания жизни. Персонажи Петрония живут, любят, борются, контактируют с вещами как компонентами окружающего мира. Такие контакты во многом эротичны. Они подобны объятиям и поцелуям, часто травмирующим. Тело персонажа испытывает различные ощущения. Этот материальный Эрос – не аккомпанемент, а важная часть текста и его структуры.

Мы можем описать данную ситуацию с помощью идей О.М. Фрейденберг, известного советского теоретика литературы и двоюродной сестры Б.Л. Пастернака: «...слово, действие и вещь – три морфологические разновидности, оформляющие единую семантику своеобразной космогонии» [Фрейденберг, 1997: 222]. (Ил. 2).

Она писала эти слова о литературе Эллады. Конечно, древнеримская литература – значительно более приземлённое явление, и мифологические схемы выражены в ней менее явно. Тем не менее аполлонизм и дионисийство также важны и в древнеримской культуре, включая текст Петрония. Эротическая драма взаимоотношений людей и вещей – выражение дионисических сил в искусстве и жизни Древнего Рима.

Космогония Петрония сконцентрирована вокруг человека. Он не слишком тяготеет к философским рассуждениям и как бы стесняется их.

Писатель живописует мир, где жизненные силы смешивают всё: людей и вещи.

Античность была уникальной эпохой с этой точки зрения. В более поздние периоды евро-

пейской культуры такое мировосприятие уже стало невозможным.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Зубов В.П. Альберти и культурное наследие прошлого // Мастера классического искусства Запада. – М.: Наука, 1983. – С. 5–25.
2. Иванов В.И. Две стихии в современном символизме // Вячеслав Иванов. Родное и вселенское. – М., 1994. – С. 143–169.
3. Иванов В.И. О веселом ремесле и умном веселии // Вячеслав Иванов. Родное и вселенское. – М., 1994. – С. 60–72.
4. Петроний Арбитр. Сатирикон // Петроний Арбитр. Апулей. – М.: Изд. «Правда», 1991. – С. 25–152.
5. Соболев Н.Н. Стили в мебели. – М.: Издательство В. Шевчук, 2008. – 350 с.
6. Стрельникова И. Петроний и Апулей // Петроний Арбитр. Апулей. – М.: Издательство «Правда», 1991. – С. 5–22.
7. Уэллс Г. Дж. Всеобщая история мировой цивилизации. М.: Эксмо, 2008. – 928 с.
8. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. – М., 1997. – 445 с.